

Ц Е Ц Е Н Б А Л А К А Е В

ТЕНЬ ПЛАМЯ

О женщинах — между страданием и светом

Цецен Балакаев

Тень и пламя. О женщинах – между страданием и светом

<https://litres.ru/74594608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тень и пламя

О женщинах – между страданием и светом

Повести, новеллы, рассказы и легенды

Она – святая и грешница. Царица и пленница. Воин и жертва. Муза и палач. Она даёт жизнь – и она же её сжигает.

В этой книге нет одной женщины. Их десятки, сотни: монахини и развратницы, поэтессы и колхозницы, капитаны и любовницы, героини войны и труда, путешественницы и царицы. Каждая – отдельная судьба. Каждая – между тенью и пламенем.

Цецен Балакаев собирает эти истории как осколки одного зеркала. Повести, новеллы, рассказы и легенды складываются в портрет той, кого постичь нельзя, – но мимо кого пройти невозможно.

Тень без пламени мертва. Пламя без тени слепо. Она – и то, и другое.

Книга для тех, кто не боится смотреть на женскую судьбу без пощады – и без жалости.

Оформление: обложка и иллюстрации – автора.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Цецен Балакаев

Тень и пламя. О женщинах – между страданием и светом

Глава 1

Цецен Балакаев

Тень и пламя

О женщинах – между страданием и светом

Повести, новеллы, рассказы и легенды

Она – святая и грешница. Царица и пленница. Воин и жертва. Муза и палач. Она даёт жизнь – и она же её сжигает.

В этой книге нет одной женщины. Их десятки, сотни: монахини и развратницы, поэтессы и колхозницы, капитаны и любовницы, героини войны и труда, путешественницы и царицы. Каждая – отдельная судьба. Каждая – между тенью и пламенем.

Цецен Балакаев собирает эти истории как осколки одного

зеркала. Повести, новеллы, рассказы и легенды складываются в портрет той, кого постичь нельзя, – но мимо кого пройти невозможно.

Тень без пламени мертва. Пламя без тени слепо. Она – и то, и другое.

Книга для тех, кто не боится смотреть на женскую судьбу без пощады – и без жалости.

Оформление: обложка и иллюстрации – автора.

Предисловие. Ода женщине

О ты,

что носишь в себе

и крест, и корону.

Тебе посвящают храмы –

и тебя же сжигают на кострах.

Тебя возносят на трон –

и тебя же низвергают в темницу.

Тебя называют святой –

и тут же грешницей.

Тебя любят –

и тебя презирают.

И всё это – об одном.

О тебе.

Ты – тень.

Тихая, терпеливая, почти невидимая.

Ты стоишь за спиной

и держишь мир,

пока он не видит.

Ты ждёшь,

ты молчишь,

ты запоминаешь.

Твоя сила – в том,

что тебя не замечают,
пока ты не станешь пламенем.
Ты – пламя.

Жгучее, живое, неукротимое.

Ты горишь
и сжигаешь.

Ты рождаешь
и убиваешь.

Ты ведёшь за собой
и не оборачиваешься.

Твоя слабость – в том,
что тебя нельзя удержать.

Ты уходишь,

оставляя пепел.

Ты – святая.

Ты – грешница.

Ты – мать.

Ты – воин.

Ты – жертва.

Ты – палач.

Ты – свет.

Ты – тьма.

Ты – истина, которую ищут.

Ты – тайна, которую не разгадать.

Тебя пытались постичь.

Философы писали трактаты.

Поэты слагали стихи.

Цари строили империи.

Церкви возводили догмы.

Всё – чтобы понять,

что ты такое.

И всё напрасно.

Ибо ты – не загадка,

которую можно решить.

Ты – река,

которую нельзя переплыть дважды.

Ты – огонь,

который нельзя взять в руки.

Ты – тень,

которую нельзя поймать.

Тень без пламени мертва.

Пламя без тени слепо.

Ты – и то, и другое.

И в этом твоя сила.

И в этом твоя боль.

И в этом – вся ты.

Эта книга – не приговор.

Не оправдание.

Не гимн.

Это попытка посмотреть на тебя

без пощады –

и без жалости.

Увидеть тебя такой,

какая ты есть:

между страданием и светом.

Между тенью и пламенем.

Между жизнью и смертью.

И если хоть одна судьба в этой книге

отзовётся в тебе —

значит,

ты прочитала её не зря.

Глава 2

«Русская роза»

Поэма в прозе

Памяти баронессы Юлии Петровны Вревской, урождённой Варпаховской (1838–1878), сестры милосердия Русско-турецкой войны, которую современники называли «Русской розой», а Тургенев – той, кто «не ведала другого счастья, кроме как помогать».

I. Лубны

Есть города, которые рождаются не для славы, а для тишины. Лубны Полтавской губернии – из таких. Здесь, в тени старых вишен, над илистыми водами Сулы, 25 января 1838 года родилась девочка, которой суждено было стать не просто одной из многих – а той, о ком через сорок лет будут писать стихи и в России, и в Болгарии.

Отец её, Пётр Евдокимович Варпаховский, генерал-лейтенант, участник Бородинского сражения, начальник Резервной дивизии на Северном Кавказе, – был человеком той эпохи, когда честь не отделялась от долга, а долг – от жизни. Мать, Каролина Ивановна, урождённая Блех, – женщина, о которой известно немного, но достаточно: она дала дочери не только жизнь, но и ту внутреннюю тишину, из которой

произрастает всё великое.

Юлия росла, как растут цветы, не знающие, что их красота – редкость. Сначала Одесский институт благородных девиц, потом – после переезда семьи в 1848 году в Ставрополь – «Среднеучебное Заведение Св. Александры для воспитания женского пола». Девочка, в которой соединилось польское дворянство отца и немецкая кровь матери, – и русская душа, вобравшая в себя широту степей и строгость гор.

Никто тогда не знал, что этой девочке предстоит стать символом – не потому, что она хотела этого, а потому, что не могла иначе.

II. Вдова в двадцать лет

В 1857 году, когда Юлии едва исполнилось девятнадцать, она вышла замуж. Её избранник – барон Ипполит Александрович Вревский, генерал-лейтенант, герой Кавказской войны, кавалер трёх золотых наград «За храбрость», друг юности Лермонтова. Ему было сорок три. Она была молода, прекрасна, полна жизни – и выбрала не блеск балов, а судьбу женщины, которая будет ждать мужа с войны.

Их брак продлился около года. Но это был год счастья – того редкого, которое не измеряется годами.

В августе 1858 года, при штурме аула Китури на Лезгинской линии, Ипполит Александрович был смертельно ранен ружейной пулей. Он умер на руках жены – 29 августа 1858

года, в Телави. Ей было двадцать лет.

Она осталась вдовой – и не просто вдовой. У её мужа были трое детей от черкешенки: Павел, Николай и Мария, носившие, как внебрачные, чужую фамилию – Терские. Юлия Петровна, которой светское общество уже готовило новую партию, поступила так, как поступают только очень сильные и очень добрые люди: она отправилась в Тифлис, добилась признания этих детей законными баронами Вревскими, дала им фамилию отца и разделила с ними наследство.

Это был первый её подвиг – незаметный, негромкий, не для газет. Подвиг женщины, которая не позволила себе забыть.

III. Фрейлина двора

Около 1860 года Юлия Петровна переехала в Петербург. Её приняли при дворе – она стала фрейлиной императрицы Марии Александровны. Десять лет придворной жизни: блеск, поклонники, поездки по Европе, Сирии, Палестине. Женщины ей завидовали, мужчины за ней волочились – и никто не догадывался, что под этим блеском бьётся сердце, которому тесно в рамках света.

Она была не просто красива. Владимир Соллогуб писал: «Я во всю свою жизнь не встречал такой пленительной женщины. Пленительной не только своей наружностью, но своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и

бесконечной добротой. Никогда эта женщина не сказала ни о ком ничего дурного. Многие женщины ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить её в чём-нибудь, и самые злонамеренные люди склоняли перед ней головы».

В этой женщине соединилось то, что редко соединяется. красота и кротость, ум и доброта, сила и мягкость. Она была идеалом – не потому, что была безупречна, а потому, что её душа была создана для любви и жертвы.

И была у неё сестра – Наталья. Старшая. Та, которую Юлия любила больше всех на свете. Наталья Петровна Варпаховская, фрейлина императрицы Марии Александровны – и фаворитка императора Александра II. До его знакомства с Екатериной Долгорукой. До того, как тень этой связи легла на всю семью.

Юлия видела, как сестра – та, которую она боготворила, – становится предметом пересудов. Видела, как свет, который сам не отличался чистотой нравов, смакует подробности. И в её душе росло тихое, но твёрдое решение: не так. Не так надо жить. Не в блеске и не в тени чужого величия – а в служении.

IV. Тургенев

В 1873 году Юлия Петровна познакомилась с Иваном Сергеевичем Тургеневым. Знакомство переросло в дружбу – многолетнюю, глубокую, наполненную письмами и встречами. В 1874 году Тургенев признавался ей: «В моей жизни с

нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался».

Она была для него не просто собеседницей. Она была тем человеком, рядом с которым он – человек, знавший цену словам и людям, – чувствовал себя лучше, чем был. Когда она собралась на фронт, Тургенев специально приехал из Парижа, чтобы проводить её.

Он знал, что она не вернётся. И всё равно не мог её остановить – потому что понимал: остановить её означало бы убить в ней то самое, что делало её ею.

V. Дело, которое по сердцу

Весной 1877 года началась Русско-турецкая война – за освобождение Болгарии. Юлия Петровна, которой было уже почти сорок, приняла решение, которое для многих было неожиданным, а для неё – единственно возможным.

Она окончила курсы сестёр милосердия Свято-Троицкой общины. Продала своё орловское имение – то самое, которое досталось ей от мужа, – и на эти деньги снарядила санитарный отряд из двадцати двух врачей и сестёр. Себе она оставила самое скромное: место рядовой сестры милосердия. От начальственной роли отказалась.

Её пытались вернуть ко двору. Императрица Мария Александровна потребовала, чтобы она вернулась в столицу за наградой, но баронесса – сестра милосердия отказалась. Юлия

Петровна написала Наталье, фаворитке императора: «Как меня злят эти слова! Они думают, что я прибыла сюда совершать подвиги. Мы здесь, чтобы помогать, а не получать ордена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.